

Игорь Дорогобед

Источник

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Дорогобед И.

Источник / И. Дорогобед — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Накануне отлета на родину Ивару приснился сон - притягательный, страшный и удивительно реалистичный. Рассказывающий ему о его собственной жизни, какой она могла бы стать, если бы он не уехал в эмиграцию. Но едва он оказался в родном городе, как его сон начал сбываться, как бы вытесняя собой ту реальность, в которой он жил до сих пор. Более того: новая реальность играет с ним и его супругой Марго, предлагая на выбор различные варианты. И каждому из них приходится принимать решения, определяющие не только их личную судьбу.

© Дорогобед И., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

1

Только в самолете Ивар наконец решился произнести то, что мучило его с самого утра.

– Ты знаешь, я сегодня видел странный сон, – с трудом выдавил он из себя.

– Да, – отозвалась Марго, отрываясь от иллюминатора (самолет уже заходил на посадку): она ужасно любила загадочные сны.

– Мне приснился год нашей жизни здесь, – напряженно проговорил Ивар. Марго с изумлением отметила, что он бледен (никогда не подозревала, что он плохо переносит перелеты). Вслух же она уточнила:

– Наш последний год жизни здесь?

– Да нет же, – с неожиданным раздражением отреагировал Ивар. – Все было совсем не так: мы прожили год там, а затем вернулись сюда.

– Зачем? – искренне изумилась Марго.

– Трудиться, – нервно огрызнулся Ивар. – Я работал в фирме «Источник». Там было много наших знакомых: Морис, Инга, Франсуаза («много твоих знакомых», – мысленно поправила его Марго). В общем, мы делали одно дело, а ты...

Неожиданно он замолчал, уставившись в спинку кресла. Марго молча ждала, она замечательно умела ждать.

– Знаешь, – вдруг совершенно упавшим голосом произнес Ивар, – я никак не могу отделаться от ощущения, что в самом деле прожил этот год здесь. «Да ведь он даже на секунду боится вернуться сюда», – догадалась Марго. От этой мысли ей стало больно. Посадку не давали, и самолет, огромная дребезжащая птица, монотонно выписывал широкие круги над аэродромом.

– Солнышко, – мягко, словно кошка, готовая в любой момент выпустить когти, возразила она, – ты же прекрасно знаешь, что все эти годы ты (она невольно выделила это слово, за что тут же выругала сама себя) не выезжал оттуда.

– Да, я понимаю, – потеряно проговорил Ивар, – но все это воспринимается так реально, что я могу рассказать каждый день, прожитый здесь. Я...

– Подожди-подожди, – перебила его Марго, – чем закончился твой сон?

– Нас срочно отозвал университет, и мы вернулись туда, – неохотно ответил он. – А через несколько месяцев я получил письмо от родителей, и заказал нам билеты на самолет...

Марго с ужасом посмотрела на него.

– Ты получил то же самое письмо? – заранее угадывая ответ, спросила она.

Спускаясь по трапу, Ивар краем глаза заметил у входа в аэропорт группу теле- и фото-репортеров, окруживших высокую фигуру в небесно-голубом мундире. Ему показалось даже, что он увидел стройный силуэт Шарля, регионального представителя столичного ТВ. Значит, и Шарлотта где-то рядом. Ее миниатюрную фигурку отсюда, конечно, не различишь, но сомневаться не приходилось: эти двое были неразлучны. Ивар невольно поймал себя на том, что думает о чужом счастье с раздражением, близким к банальной зависти.

Группа поспешно скрылась внутри здания. «Высокий гость посещает провинцию», – желчно отметил он и отвел глаза вниз, туда, где пассажиров, прибывших из-за границы, уже ожидали пограничники и таможенники. И мгновенно – как тошнота – нахлынуло воспоминание: рассказ друзей о выезде за границу. Они сидели прохладным вечером на просторной террасе и неспешно тянули через трубочки сказочно вкусный коктейль, сочиненный Марком из абрикосового ликера, великолепного сладкого вина и соков каких-то немыслимых тропических фруктов. И Антуанетта, развлекая гостей, рассказывала им, как их с Марком осматривали, ощупывали и даже обнюхивали при переходе границы. Рассказывала она об этом остроумно и весело, только в ее красивых темных глазах крупными льдинками застыло неистребимое отвращение ко всему, оставленному по ту сторону. Отъезд же Ивара и Марго совпал с очеред-

ной государственной кампанией по искоренению внутренних недостатков, и слегка перепуганные стражи порядка пропускали эмигрантов без досмотра с пристрастием. Словно угадав его настроение, Марго негромко произнесла на чужом, но ставшем привычным за годы эмиграции языке:

– Не нервничай, они никогда не интересуются приезжающими.

И, поймав озабоченный взгляд Ивара, добавила злорадно:

– И языка они не понимают. Им не за грамотность платят.

Контроль действительно производился с барственно-ленивой небрежностью: лица стражей государственных врат выражали непреодолимую скуку, дежурные вопросы едва произносились, об их содержании можно было догадаться по вялому движению губ. От нечего делать прицепились было к единственному в рейсе настоящему иностранцу (Ивар, Марго и все прочие, не имевшие тамошнего гражданства, разумеется, настоящими иностранцами не были), но тоже нехотя, как бы через силу служебный долг исполняя. Но и это было неудачно: иностранец сносно говорил на местном языке, заморочить с лету голову ему не удалось, и стражи с чувством исполненного долга, но и облегчения тоже, легко отстали от него.

Тем не менее, карикатурная процедура условно-символического досмотра оставила ощущение какой-то существенной утраты. Чувство это не покидало Ивара и, пытаясь постигнуть суть своей потери, он невольно замедлил шаг. Не заметившая этого Марго уже стремительно приближалась к выходной двери, когда до нее донесся сдавленный крик ее спутника:

– Мы опоздали! Мы уже опоздали!

Дверь в подъезд была приоткрыта. Из-за нее в нос Ивару ударил назойливый сладковато-приторный запах тления. Весь дом представлялся огромной рыбой, сильнейшей бурей выброшенной на берег и вынужденной умереть вдаль от родной стихии. Старая, давно не убиравшаяся бетонная лестница выглядела так, словно была взята из триллера, действие которого происходит в трущобах, какие иногда встречаются в мире, где до сегодняшнего дня жили Ивар и Марго. Медленно поднимаясь на пятый этаж (лифты в таких домах, вероятно, считались излишней роскошью), Ивар с тоской думал о том, как сильно он отвык от здешней жизни. Где-то вверху гулко хлопнула дверь, затем загрохотали торопливые тяжелые шаги, и он понял, что кто-то вышел из знакомой ему с детства квартиры, и этот кто-то был чужаком, потому что грохочущий сверху слоновый топот не имел ничего общего с легкой походкой его родителей. Преодолев на одном дыхании последние два пролета, так что легкокрылая Марго едва поспевала за ним, Ивар едва не врезался в грузную фигуру ремонтника, из-за просторной спины которого смутно проглядывался его сотоварищ несколько меньших размеров.

– Из 45-й? – с заученной небрежностью спросил Ивар, машинально отстраняясь от громилы-сантехника, пахнувшего специфически местным перегаром. Там, откуда он только что прилетел, «сантехник-сан» был всего лишь разновидностью прислуги, с которой уважающий себя заказчик, конечно же, вежлив, но не более того.

– Оттуда, – благодушно отозвался тот, не спеша уступать незнакомцам дорогу; его маленькие колючие глазки, резко контрастирующие с в общем-то добродушной физиономией, внимательно изучали пришельцев. – Плановый ремонт в доме.

– А хозяева дома? – в том же тоне продолжал Ивар.

– Не-а, – в растяжку, с явной неохотой ответил старший ремонтник. – Оставили нам ключи, а сами съехали, может на недельку, может больше...

– А куда, – добавил он, явно предвосхищая следующий вопрос, – нам не докладывались.

Далее говорить было не о чем, и Марго, не принимавшая участия в этой маленькой дискуссии, решительно двинулась вверх по лестнице. Ивару ничего не оставалось, как последовать за ней. Он догнал ее уже у самой двери и, встретив ее пасмурный взгляд, в который раз поду-

мал, каким образом его подруге, весьма изящной женщине, иногда удается выглядеть большой и грозной.

– Ключ, – едва разжимая губы, потребовала Марго. Ивар в изумлении уставился на нее:

– У меня нет ключа от квартиры родителей. Ты же прекрасно знаешь, уезжая, я вернул им свой ключ.

– Тогда сходи вниз и забери их ключ у этих, – Марго выразительно махнула рукой в пустоту лестничного пролета. Ее спутник послушно сделал несколько шагов, но остановился, задержанный неожиданно пришедшей мыслью:

– Но, Марго, они не могли никуда уехать, по крайней мере, надолго. Они же ждали нас...

Выразительный взгляд Марго прервал его на полуслове, и он поспешно скатился по лестнице. Сантехников Ивар обнаружил в небольшом строительном домике, сиротливо приютившемся сбоку цепи ржавых металлических гаражей за самым важным производственным занятием. Они обедали. Услышав шаги, старший поднял от тарелки голову, и тяжелый взгляд пронзил вошедшего. Ивар заворожено уставился на массивные челюсти, неторопливо и равномерно продолжавшие свою работу.

– Чего нужно? – осведомился ремонтник, прожевав очередной кусок.

– Ключ от сорок пятой квартиры, – как можно тверже произнес Ивар.

– А ты кто им будешь? – без всякого любопытства спросил ремонтник.

– Я сын господина Бьёрна, – холодно ответил Ивар, вдруг ощутивший свое превосходство над двумя пролами, – приехал к родителям.

– Гляди-ка, и в самом деле приехал, – неизвестно чему радуясь, визгливо вскрикнул младший сантехник и тут же осекся под гнетущим взглядом старшего.

– Приехал-таки, – задумчиво повторил старший, глядя на Ивара так, словно только что впервые увидел его.

– Ладно, держи свои ключи, – решил наконец он, – пользуйся.

И после краткой паузы добавил:

– Только зря ты сюда приехал. Тебе что, там плохо было?

– Меня отец пригласил, – возразил Ивар, несколько озадаченный осведомленностью сантехника.

– А хотя бы и отец, какое тебе до него дело, – зло усмехнулся ремонтник. – Мало ли все мы от своих отцов отрекались.

Ивару хотелось разорваться в крике, возражая ему, но, взглянув на искаженное гневом лицо, он почувствовал странный покой.

– А вот это каждый по своему выбору, – едва разжимая губы, произнес он. И, зажав в кулаке правой руки ключ, неспешно вышел из комнаты.

– Иди-иди, только забудь про своих отца и мать, – обрывки фраз, словно рычание побитого зверя, не желающего признать себя побежденным, неслись ему вслед. – Нет их больше у тебя, можешь и не искать. Я их только что съел за обедом. И вообще, катись отсюда пока не поздно.

Ивар шел, никак не реагируя на эти выкрики, и даже не осознавая их. Он и не мог этого сделать, даже если бы и хотел. К нему вернулся фрагмент его сна.

– Ты слишком долго бродил, – желчно заметила Марго, когда он молча протянул ей ключ. Комментария не последовало, и она решительным движением открыла входную дверь. Из крошечного коридорчика мощно ударил в нос безликий и могущественный запах стерильной чистоты. Все вещи были с идеальной аккуратностью расставлены по местам, словно это было не жилое помещение, а музей, куда изредка приводят случайных посетителей, строжайше предупреждая на входе, что ничего трогать руками нельзя. И никаких признаков ремонта. Казалось, обитатели квартиры однажды покинули ее, точнее растворились в воздухе, а затем ее

посетило нечто и превратило в соответствии со своим уродливым вкусом в мертвое совершенство. «Может быть, именно это и называется на их языке ремонтом», – несколько растерянно подумала Марго. И тут в ее уши вонзился отчаянный вопль Ивара:

– Бумаги!

Марго еще окинула взглядом блиставшую совершенной чистотой квартиру и поняла, чего так мучительно в ней не хватает. Хотя господин Бьёрн и госпожа Гудрун отличались известным пристрастием к порядку, на всех столах с неизменным постоянством в понятной лишь хозяевам хаотичной бессистемности были разложены книги и записи. Сейчас же все до единой книги были заточены в шкаф, бумаги попросту исчезли. Во всей квартире не осталось даже маленького клочка исписанной бумаги.

– Чудненько они здесь все отремонтировали, – придя в себя, со свойственным ей неподражаемым сарказмом прокомментировала Марго.

– Посмотри-ка хорошенько: не осталось ли чего-нибудь, – добавила она другим тоном. Глядя, как Ивар беспомощно мечется из угла в угол, она в который раз с удивлением спрашивала себя: неужели этот человек хоть изредка бывает другим. «Ай, какая чепуха случается в нашей жизни, – думала она, – какая чепуха, всегда-то мы приезжаем слишком поздно».

– Да не суетись ты, – почти спокойно бросила она Ивару. – Прими все просто как есть.

– Ты... ты понимаешь, что ты сейчас говоришь? – голосом Ивар изображал гнев, но на Марго старался не смотреть и вертел перед собой руки, которые ему явно некуда было деть.

– Я всегда понимаю, что говорю, – в ее голосе звучала снисходительная дружелюбность. – А ты?

Ивар не ответил. Он опять видел другое; это было очень удобное, но весьма опасное свойство.

Во входную дверь настойчиво барабанили. Марго догадалась об этом лишь тогда, когда стук повторился в третий раз. Там такое просто было невозможно: для чего же в таком случае звонки и двери с сигнализацией. Однако господин Бьёрн не признавал подобных нововведений: с упрямым консерватизмом, не часто встречающимся даже у людей его поколения, предпочитал громкий стук в дверь нежной трели звонка, а письма – телефонным разговорам. И, вероятно, был бы чрезвычайно удивлен, если бы кто-то сказал ему, что своим никчемным упорством он доставляет неудобство другим людям. Однако никто не сказал ему этого.

«Если это Франсуаза, – обреченно подумала Марго, направляясь к двери, – то я просто убью ее». Мысль была столь же нелепа, как пришествие марсиан: ну откуда Франсуаза могла узнать об их приезде, а если бы и узнала, разве пришла бы она, зная, что Марго тоже дома, а если бы пришла, то зачем?.. На этом рассуждении Марго резким движением широко распахнула дверь и увидела не Франсуазу (Бог ее миловал!) и не Ингу (чего в принципе тоже можно было ожидать), а всего-навсего Мелани, круглолицую полную самодовольной и самодостаточной силы особу, как ехидно отмечал Ивар, весьма неопределенного пола. Замечание было злым, но не лишенным оснований: Мелани обладала чертовски грубо скроенной фигурой, что являлось для нее предметом особой гордости. И сейчас, стоя в проеме двери и глядя прямо перед собой ничего не выражающими цвета крыжовника глазами, она медленно выговаривала какую-то деревянную фразу, страшно гордая тем, что умеет говорить, а также тем, что представляет официальную власть собственной персоной.

– Нам хотелось бы также узнать, что граждане Ивар и Марго делают в чужой квартире, – вдруг услышала Марго голос Мелани, похожий на речь робота, которого она видела в прошлом году на выставке. Это была уже середина фразы; вступительная официальная часть не коснулась сознания Марго. Однако ответить она не успела.

– Это дом моих родителей, – выкрикнул Ивар. – Почему я не могу находиться в нем?

– Возражение не по существу вопроса, – равнодушно отмела его довод Мелани. («Словно муху прихлопнула», – восхищенно подумала Марго.) – Родственные отношения не играют никакой роли. Вы находитесь в пределах чужой собственности, не имея на то никаких оснований.

– Марго, можно я ее просто выкину, – сердито прошипел Ивар, от обиды почувствовав себя весьма сильным.

– Нельзя, – отрезала Марго. – Вот встретишь ее в нерабочее время, тогда делай с ней, что хочешь. А сейчас она при исполнении.

– Попрошу не оскорблять, – автоматически отреагировала Мелани.

– Хорошо, мы предоставим вам необходимые разъяснения, только дайте нам время прийти в себя после длинной дороги, – голос Марго стал деловито-успокаивающим, и Мелани откликнулась на его зов.

– Завтра в 9 утра у меня в офисе, – огромные глазищи ее хищно блеснули. Это был первый всплеск человеческого чувства за все время разговора.

«Они полагают, что до завтрашнего утра мы все равно ничего не успеем», – одновременно сообразили Ивар и Марго. За время совместной жизни им нередко приходили в голову одинаковые мысли. Правда, потом частенько оказывалось, что они имели в виду не совсем одно и то же.

– Значит, теперь и такое возможно? – резко спросила Марго. Человек, сидевший напротив, нервно поежился. Вопрос этот сам по себе был весьма неприличен: его не стоило задавать вообще, а тем более неприятно услышать его от человека, приехавшего оттуда. Все они, хотя бы год прожившие там, начинают воображать себя обитателями иного мира. И приехав сюда, первым делом принимаются приставать к здешним жителям, никогда никуда не уезжавшим, с совершенно дикими вопросами о вещах привычных и потому естественных. Впрочем, собеседник Марго как раз был человеком, побывавшем в заграничье, но не захотевшим остаться там насовсем. «Здесь я известная фигура, – говорил он как бы в свое оправдание, – а там придется снова стать начинающим». Марго понимала и не понимала его. Сама она лишь потому чего-то добилась в своей жизни, что регулярно становилась начинающей.

Собеседник с печальным укором смотрел на нее.

– Послушайте, Марго, – проговорил он наконец. – А чему вы, собственно говоря, удивляетесь? Разве такое уже не случалось ранее? Пусть это было давно, но ведь было же?

– Было, – яростно сверкнув глазами, согласилась Марго. – Мои дедушка с бабушкой тоже исчезли однажды ночью. А чиновник из этого ведомства потом долго убеждал мою маму в том, что у нее вообще никогда не было никаких родителей; вероятно, хотел доказать, что ее нашли в революционной капусте.

– И убедил? – с непонятной надеждой в голосе спросил ее собеседник.

– Нет, – отрезала Марго.

– Значит, все возвращается снова? – утверждающе спросила она. Взгляд, направленный на собеседника, холоден, чист и прозрачен.

– Возвращается?! – неожиданно взорвался тот. – Как бы не так! Вы что же, до сих пор ничего не поняли?! Помните это наше всеобщее торжество десятилетней давности, этот праздник жалких трусов, когда все мы, сбиваясь в митинговые стаи на площадях, впервые громко с чертовски отчетливой дикцией оралы то, о чем прежде лишь испуганным шепотом сообщали друг другу на кухне? Мы-то тогда по наивности вообразили, что чудовище наконец-то повергнуто, уничтожено, исчезло. А на самом-то деле оно никуда не исчезало, оно просто отросло вместо отрубленной другую, более благообразную голову и продолжало преспокойненько оставаться рядом с нами. Более того, оно именно потому столь живуче, что обитает в каждом

из нас. А мы не только не хотим отказаться от него, но даже боимся помыслить о подобном кощунстве. Мы...

Показное или подлинное волнение, а может быть врожденная боязнь произнести вслух что-то уж совсем невозможное помешали ему продолжить речь, и он запнулся на полуслове.

– Нет, – гордо сверкнула глазами Марго. – Нет во мне ничего такого. И никогда не было. Собеседник на минуту задумался.

– Скажите, Марго, – голос его вдруг стал почти ласковым, – а вас никогда не били? Я не имею в виду воспитательные мероприятия в детстве (глаза его весело искрились), а по-настоящему, всерьез, так сказать, от души?

– Нет, – сердито возразила Марго. – Пусть только попробуют...

– А если попробуют, – настаивал собеседник, – что будете делать?

– Во всяком случае, смиренно стоять, сложив лапки, не буду.

– Вы владеете какими-то особыми приемами борьбы? – снисходительная улыбка жирной гусеницей проползла по его лицу. «Я – нет, а вот Франсуаза, та здорово дерется», – совсем некстати подумала Марго.

– Что вы имеете в виду? – резко спросила она, раздраженная здешним нарочито невнятным стилем разговора своего собеседника.

– Все очень просто, – терпеливо, словно учитель непонятливому ученику, пояснил он. – Представьте себе, что на вас среди бела дня нападают несколько здоровых и почти безмозглых болванов и начинают избивать: не торопясь, со вкусом, методично. («Боже мой, этот разговор доставляет ему удовольствие», – с удивлением, близким к ужасу, подумала Марго). И бить они вас будут без какой-либо реальной причины, просто, как говорили у нас раньше, для морального удовлетворения. Заметьте, (он совсем как на лекции поднял указательный палец) что ни один человек не придет вам на помощь, потому что эти самые болваны будут в форме соответствующего ведомства, следовательно, при исполнении служебных обязанностей.

– Ну допустим, побить меня можно, но сломить этим вряд ли, – вполне миролюбиво произнесла Марго. – Но к чему вы все это говорите?

– Чтобы вы отдавали себе отчет, в какую страну вы так несвоевременно вернулись, – тихо ответил собеседник. – Кстати, имейте в виду, что после такой разминки человек обычно не попадает ни домой, ни в больницу. Они не любят неприятных свидетелей, даже если этим свидетелям все равно никто не верит.

Марго упрямо покачала головой.

– Вы невыносимая оптимистка, – с горечью произнес он. «А вы обыкновенный трус», – печально про себя констатировала Марго. Вслух она ничего не сказала: все-таки этот человек был когда-то ее научным руководителем.

– Так вы полагаете, что родителей Ивара официальным путем искать бесполезно? – возвращаясь к прежнему разговору, спросила она.

– И неофициальным тоже, – убежденно ответил ее собеседник.

– Но я должна их увидеть, – упрямо проговорила Марго.

На лице человека, сидевшего напротив, вновь проступило выражение задумчивости:

– Вам это действительно необходимо? (Марго молча кивнула) Вы когда-нибудь слышали об организации под названием «Источник»? (Марго отрицательно покачала головой.) И ваш муж никогда не упоминал о нем?! (Брови его изумленно взлетели вверх.)

– Нет, – машинально ответила Марго.

– Ах да, ну, конечно же, – вдруг замялся ее собеседник. – Впрочем, это неважно. С некоторых пор в нашем городе существует одна прелюбопытная организация...

– Что-то вроде секретного НИИ? – несколько невежливо перебила Марго.

– Именно так. Деятельность этой конторы могла бы послужить сюжетом для фантастического романа. И самое забавное состоит в том, что никто, в том числе и сами исследователи, не в состоянии внятно объяснить, каким образом они получают свои вполне сказочные результаты.

– Но какое это имеет отношение?.. – вновь не выдержала Марго.

– Самое непосредственное. Я не могу вам прямо сказать, чем занимается сия фирма, однако ее методы позволяют организовывать весьма необычные встречи.

– В вашем случае вполне достаточно эксперимента первой серии, – добавил он после краткой паузы. – Насколько мне известно, именно сейчас для подтверждения и уточнения ранее полученных результатов они набирают, разумеется, негласно, добровольцев на эту серию. При этом желательно иметь рекомендацию кого-либо из постоянных сотрудников института.

– Но я же никого там не знаю, – слегка растерялась Марго.

– Я порекомендовал бы вам, – ядовитая гусеница насмешки вновь растеклась по его лицу, – поискать таковых среди близких знакомых вашего мужа. Вы наверняка кого-нибудь найдете, уверяю вас.

Коридоры «Источника» сияли чудовищной мертвящей белизной, намекая на безупречную стерильность, коей, разумеется, и в помине не было. Ивар ожидал, что на проходной ему будут бесконечно долго морочить голову и в результате все же никуда не пустят. Однако охранник в темно-синей униформе лихо, как своему человеку, отковырял ему и без лишних слов пропустил внутрь помещения. Чувствуя себя, словно в логове неизвестного зверя, которого опасно тревожить, Ивар осторожно продвигался вдоль безликой стены, когда ближайшая справа дверь бесшумно распахнулась, и оттуда выкатился, полыхая широкой благодушной улыбкой, один из близнецов. Скорее всего, это был Жан-Поль, поскольку у Жан-Пьера независимо от обстоятельств жизни всякая улыбка получалась неизбежно с изрядно кислым привкусом. Человек подошел поближе, и его шикарная улыбка крупными каплями стекала с его лица.

– Наконец-то ты появился, – с вздохом облегчения произнес он, внимательно оглядывая Ивара. – Я выкручивался у шефа, как только мог, но, тем не менее, он очень недоволен. Все понимают, что ты после каждого рейса должен отдыхать, однако твои отлучки становятся все более продолжительными, а это не идет на пользу делу. И сейчас, когда необходимо срочно приступить к третьей серии экспериментов, ты пропадаешь на целых две недели, да так ловко, что даже ребята из первого отдела не имеют представления, куда ты исчез (и зачем мы только кормим всю эту ораву!). А что в результате? А в итоге после долгой отлучки тебе нужно восстановить форму, значит, повторить хотя бы один опыт из второй серии, прежде чем приступить к третьей.

Ивар безмолвно слушал эту тираду, испытывая странное чувство. Все происходившее с ним здесь и сейчас, в самой что ни на есть реальной жизни, было продолжением его сна. Сразу после ухода Марго, повинуясь неясному порыву, он принялся бесцельно перебирать книги, стоявшие в шкафу. Они стояли плотно в два ряда, и когда Ивар потянул на себя какой-то роскошный фолиант по географии, из-за него выскользнул прямо в руки маленький невзрачный телефонный справочник для служебного пользования. Там и обнаружился адрес исследовательского института с нелепым названием «Источник». И вот он стоит в коридоре этого учреждения, который, кстати, выглядит точно как во сне, и выслушивает упреки совершенно незнакомого (кто же это все-таки: Пьер или Поль?) в реальной жизни человека. И его собеседник утверждает, что он, Ивар, действительно работает здесь. Между тем сам Ивар прекрасно знает, что покинул страну несколько лет назад и все эти годы не приближался к родине ближе, чем на тысячу километров, потому что жизнь, оставшаяся здесь, представлялась чудовищем столь отвратительным и мрачным, что прикоснуться к нему хотя бы мизинцем – невозможно. (Ты просто трусишь, сказала бы Марго и была бы по своему права. Но только по-своему). Однако если признать происходящее с ним реальностью (а как не признать), выходит, что на самом

деле эмиграция и вся жизнь там были сном, наивной сладко-горькой мечтой, в действительности же он никуда не уезжал и работал в каком-то закрытом институте. И вот теперь, значит, он проснулся.

Ужас внезапно пришедшей в голову мысли, вероятно, столь полно отразился на его лице, что добродушная физиономия собеседника (может, это все-таки был Жан-Пьер) вновь стала наполняться улыбкой.

– Тебе нехорошо? – осторожно спросил он, наклоняя свое крупное лицо к Ивару. – Извини, я просто забыл, что ты после своих исчезновений практически ничего не помнишь о работе. Пойдем, я провожу тебя в твой кабинет.

Путь по белоснежному коридору оказался знакомым; например, Ивар точно знал, что, свернув направо, он упрется в дверь своей комнаты. Было ему известно (или же вдруг стало известно), как выглядит она изнутри. Слева на столе стоял маленький плюшевый медвежонок, подаренный Ингой ко дню рождения, а на стене справа от рабочего стола Франсуаза собственноручно прикрепила календарь с картинкой не вполне приличного содержания, принадлежащей кому-то из современных художников с весьма трудно произносимой фамилией. Помнится, шеф поначалу попытался было возмутиться, однако Ивар, хотя ему картина не очень нравилась, отстоял право оформлять свой кабинет согласно собственному вкусу.

Внутри никого не было, и это не удивило Ивара, поскольку он знал (откуда, неужели из снов?), что Инге недавно выделили небольшую комнатку по соседству, объяснив это тем, что при подготовке к экспериментам третьей серии ему часто будет требоваться уединение. Впрочем, вызвать Ингу при необходимости не составляло труда.

Ивар осторожно, словно надеясь, что это до ужаса знакомое видение все же исчезнет, подошел к столу и без сил рухнул на стул. Сиденье под ним привычно заскрипело. На мгновение он зажмурился (совсем как в детстве!), но, не выдержав, тут же открыл глаза. Проклятое видение не исчезало! Сомнений больше не было: он действительно проснулся в том самом мире, который в мечтах своих давным-давно покинул с огромным удовольствием. И теперь эта чудовищная реальность, в подлинности которой он попытался усомниться, нагло смеется ему в лицо, плавно кружась перед глазами.

– Я вижу, тебе совсем нехорошо, – жирным склизким ручейком прожурчал голос Жан-Поля (или Пьера). – Сейчас пришлю тебе Ингу, у нее всегда под рукой есть что-нибудь подходящее.

– Не надо, – попытался произнести Ивар, но из горла вырвалось лишь невнятное бульканье, которое при желании можно легко принять за согласие. Борясь с потешающейся над ним реальностью, он не заметил ухода Жан-Поля и очнулся лишь тогда, когда над ним еле слышно прошелестело:

– Ивар, примите это, и вам сразу станет легче.

В правой руке его оказалась пилюля в бледно-розовой оболочке, в левой – невесть откуда взявшийся стакан с холодной водой. Что-то со сладким шуршанием легло рядом с компьютерной клавиатурой, и тот же голос прокомментировал:

– Я принесла вам ваш любимый шоколад: горький с лимоном.

Невесомые шаги поспешили прочь, и уже от дверей долетела прощальная фраза:

– Сегодня неудачный день для вашего возвращения. У Франсуазы выходные. Она появится только послезавтра.

Никогда Марго не подозревала, что способна на столь необычайный подвиг. «Ну вот, дожидая светлого праздника, – сердито размышляла она, звонко стуча каблучками по гулкой лестнице относительно нового дома, – сама добровольно (она машинально употребила столь привычный иностранный эквивалент этого слова) иду на поклон. И к кому?!»

Последний раз она видела Франсуазу недели за две до отъезда туда. Неожиданно Ивару взбрело в голову устроить прощальные посиделки для своих любимых сотрудников, на которые он пригласил исключительно женщин. Кроме Франсуазы там были его верная помощница Инга и Анжела, чернявая, еще вполне юная особа, постоянно озабоченная поисками подходящего партнера для брака. Причем основной ее проблемой было не отсутствие достойных кандидатур, а нежелание в нужный момент сделать решительный шаг.

И хотя собрал вместе эту милую компанию именно Ивар, развлекать ее, поддерживая постоянно рассыпающийся разговор, пришлось, как обычно и случалось, в основном Марго. Сам же Ивар по большей части молчал, созерцая сотворенную им вечеринку с улыбкой удовлетворенного своей работой художника. Яркое весеннее солнце и по-своему яркая здешняя жизнь сходили на закат, он мирно прощался с ними и, наверное, произнес бы молитву за остающихся здесь друзей, если бы верил хоть во что-нибудь.

Франсуаза держалась несколько нервно и более агрессивно, чем обычно, и оттого ее немного грубоватая красота казалась особо привлекательной. Марго прекрасно понимала ее состояние и даже слегка жалела, хотя еще вчера готова была ее растерзать. Инга, напротив, была по обыкновению спокойна и выдержана, ничего лишнего: ни слова, ни жеста. И мудрая Марго не знала даже: восхищаться ли этой выдержкой, или же ненавидеть за это. И, тем не менее, обе гостьи были блистательны и совершенно невозможно было наверное определить, для кого они так старались: для Ивара или же для Марго. И лишь одна Анжела, которая просто ничего не знала о запутанных отношениях трех женщин, к тому же не обладавшая способностью легко поддерживать разговор на самые невообразимые темы, чувствовала себя несколько потерянной в этом странном собрании.

В какой-то момент разговор окончательно рухнул, словно сломалось нечто бесконечно важное, и любые попытки продолжить беседу стали для всех ненужным мучением. Началась утомительная процедура прощания. Впрочем, всем уходящим предстояло идти в одну сторону, а любезные хозяева по здешнему обычаю отправились провожать их до автобусной остановки. Дружная компания медленно брела через сквер, погруженный в прозрачные весенние сумерки, и Марго, едва передвигая ноги, изо всех сил мысленно приближала минуту окончания этой глупейшей пытки. По лицу Ивара невозможно было узнать, наслаждается ли он каждым мгновением, или же проклиная себя и свою затею.

За милым, почти душевным разговором никто и не заметил, откуда вдруг появился весьма нетрезвого вида субъект с какими-то неразлично произносимыми претензиями. И прежде чем кто-то успел каким-либо образом отреагировать на его невнятную, но пламенную речь, Франсуаза, проскользнув вперед, совершила пару неуловимо-изящных движений, и оратор с музыкальным треском приземлился в ближайших кустах.

Входная дверь мягко распахнулась, послушная сигналу звонка, и Марго увидела Франсуазу: она стояла в дверном проеме, как тогда посреди аллеи, с простодушной, немного грустной улыбкой победительницы. От улыбки, как и в прошлый раз, стало безжалостно больно, и, мысленно прокусив до крови губу, Марго произнесла с необычайным спокойствием:

– Мне нужна твоя помощь.

На печальном лице Франсуазы не отразилось ни удивление, ни злорадство.

– Заходи, поговорим.

Когда массивный междугородный автобус въезжал на стоянку главного автовокзала, сверхточные, привезенные из другой жизни наручные часы Ивара показывали ровно десять утра. «Что за нелепость ездить в столицу на автобусе? – нехстати подумал Ивар. – В настоящей жизни я непременно поехал бы поездом». Впрочем, это было последним посторонним включением, дальше он думал и действовал строго по предписанию. Маршрут был всегда один и тот же (авторы эксперимента, добиваясь точных, легко сверяемых результатов, избегали излишнего

разнообразия): нужно было по широкому шумному проспекту дойти до ближайшего переулочка и, повернув направо, углубиться в замысловатую сеть кривых улочек старого центра. Горбатый переулочек выводил прямо к первой цели путешествия, крошечному литературному музею какого-то ныне вполне забытого классика. Напротив здания в небольшом уютном особнячке, где при прежнем режиме находилось столичное отделение тайной полиции, расположилось посольство одной крупной заморской державы.

Сотрудницу музея, с которой должен был встретиться Ивар, звали Клер. Впрочем, сам Ивар был не совсем тем Иваром, который работал в «Источнике»: человек, вошедший в половине одиннадцатого в вестибюль столичного музея, являлся научным сотрудником аналогичного учреждения в недалекой провинции. Его приезд в столицу – обычная служебная командировка. Это не было костюмированным фарсом или игрой в шпионов; просто сотрудник музея Ивар был действительно иной личностью и решительно ничего не знал об Иваре из «Источника». Правда, хотя жизнь этого Ивара принадлежала другой реальности, личность его в ходе эксперимента совмещалась, незаметно для обоих, с личностью того Ивара, который точно знал, что не только музейными интересами объясняются столь частые командировки в столицу. Интересно, что по всем данным «местный» музейный Ивар никогда не подозревал о своей «двойной жизни». Впрочем, незначительные накладки все-таки изредка случались, подобно тому, как спящий человек иногда может посмотреть со стороны на себя, героя собственных сновидений. Авторы эксперимента, тщательно регистрируя такие проявления, относили их на счет несовершенства технологии, однако искоренить их полностью пока не удавалось.

Сначала он услышал звонкий перестук каблучков, затем из сумерек коридора (что поделяешь, бюджетное учреждение) появилась высокая стройная фигура, увенчанная короной буйных каштановых волос, ослепительной белизны рука выплыла вперед одновременно с неофициально произнесенным «здравствуйте» и, наконец, заключительным аккордом прозвучал комментарий бабушки-вахтерши, высказанный забежавшей на огонек подружке: «Повезло нашей Клерочке, видный парень достался». На самом же деле ситуация была запредельно простой: полоса всеобщего распада захватила и почтовое ведомство, которое, как и прочие государственные службы, находилось в процессе медленного, но непрерывного гниения. Поэтому иные организации предпочитали скорее тратиться на командировочные и переправлять документы и предметы, представляющие определенную ценность, с помощью курьеров, чем безуспешно потом тягаться с ведомством, имеющим бесспорную общегосударственную монополию на полную утрату почтовых отправок. Собственно говоря, Ивар и был тем курьером, который поддерживал отношения между двумя однопрофильными учреждениями. Все получилось как-то само собой. Никого из его коллег не привлекала возможность однодневных поездок в столицу, и общение с Клер стало маленькой персональной привилегией Ивара. Эти контакты были не частыми, но регулярными. Встречаясь, они никогда не говорили о политике или личных проблемах, но, как профессионалы, со знанием дела обсуждали научные вопросы, и такой разговор доставлял им огромное наслаждение.

Общение с Клер было самой приятной частью этого путешествия. Выбравшись из музея, он должен был посетить на соседней улице угловой магазинчик, где причудливо смешались забавные туристические сувениры и изысканные кулинарные деликатесы, а на специальных полочках красовались бутылки с вином, приобрести которое рядовой покупатель мог, разве что, выложив сразу месячную зарплату. У хозяина заведения, невысокого черноволосого крепыша, который частенько сам стоял за прилавком, существовали какие-то неясные Ивару отношения с директором учреждения, где он трудился. Вероятно поэтому владелец сего великолепия постоянно передавал через Ивара какие-то то большие, то маленькие тщательно упакованные свертки, в которые Ивар никогда даже и не пытался заглянуть, не имея на сей счет ни малейшего любопытства.

Дальнейший путь Ивара пролегал через широкий бульвар, где он непременно встречался с парой своих ровесников, с которыми некогда учился в институте. Несмотря на регулярность этих встреч, всякий раз находилось что сказать, а чтобы разговор получался вкуснее, милая троица неизбежно сворачивала в ближайший кафетерий на чашечку кофе с огромными заварными пирожными. В качестве темы для беседы в дело шло все: от серьезных размышлений до банальных сплетен, почерпнутых из желтых газет. Все это происходило столь жизнерадостно и столь не нужно, что хотелось плакать, но вместо этого приходилось смеяться очередной, конечно же, остроумной и, безусловно, свежей шутке бог-весть-знает-о-чем.

Но самым неожиданным всегда был, разумеется, финал. Ивар здешний, не будучи в тот момент Иваром тамошним, никогда не мог предсказать его, хотя неоднократно прошел этот маршрут. Просто в какой-то момент великолепный кофе в маленьких изящных чашечках, лакомые пирожные на блюдцах и вообще весь этот буйный праздник остроумия оказывались до предела исчерпанными, и наступало ничто. Нет, не то чтобы так вот буквально: раз и ничего. Все выходили из кафетерия и, выморочно прощаясь друг с другом, разбредались в разные стороны. И только тогда чудесный столичный бульвар начинал медленно, но неотвратимо расплзаться по швам, сквозь грубо рваные раны проступал сказочной синевы туман и... приходилось снова и снова широко открывать глаза.

Комната, в которую Франсуаза привела Марго, выглядела именно так, как когда-то ее описывал Ивар: стены, покрытые кричащих цветов обоями, с назойливым бесстыдством глазели сразу с четырех сторон на всякого, кто входил в зал. В правом углу, напротив невыносимо пестрого мягкого дивана, существа веселого и жестоко-коварного, сиротливо приютилась небольшая тумбочка, на которой когда-то обитал маленький телевизор, предмет особой ненависти Франсуазы, приобретенный теперь уже бывшим мужем вопреки ее желанию. В центре потолка, также украшенного сочными обоями, живописно торчали оголенные провода. (В те времена, когда она еще была замужем, зал освещала отвратительно пышная люстра, оставленная бывшим супругом на память. Едва он исчез с горизонта, как Франсуаза собственноручно сорвала люстру и безжалостно вышвырнула в ближайший бак для мусора, стоявший у дома. Ее судьбу разделил и телевизор).

Дверь, ведущая в следующую комнату, была плотно закрыта. «Там, наверное, спальня, и в ней тоже нет верхнего освещения», – с неожиданной горечью подумала Марго. Франсуаза плавным жестом указала ей на диван, а сама легко опустилась на жесткий стул с высокой спинкой, одиноко стоявший у голой стены, сразу словно приросла к нему, высокая и прямая, как постамент, на котором она восседала. Шустрый ветерок, ворвавшийся в окно, игриво трепал ее роскошные волосы, переливавшиеся всеми оттенками солнца. «Ну разве можно вообразить, что у нее когда-то были абсолютно черные волосы?» – Марго мысленно недоверчиво покачала головой. И тут же прикрикнула на себя, собираясь в кулак для неизбежного и необходимого разговора. Франсуаза молча смотрела на нее; чуть раскосые глаза хозяйки дома не выражали ни малейшего признака нетерпения или любопытства, точнее, не выражали решительно ничего. Франсуаза, как и Марго, умела ждать.

– Мне нужно попасть в эксперимент, – безо всяких предисловий вдруг выпалила Марго. Чутье подсказало ей, что с этой яркой ящерицей по-другому нельзя, иначе, выбросив длинный хвост красивых, но ничего не значащих слов, она ловко ускользнет от прямого ответа. По удлинённому лицу впервые с начала встречи промелькнула легкая искорка неясного интереса. «У рыжих и выражение лица рыжее», – вспомнила Марго старый афоризм Ивара. Выражение лица Франсуазы было черным; только это и указывало на истинный цвет ее волос.

– И ты спешешь, – произнесла она наконец, не то спрашивая, не то утверждая как бы общеизвестный факт. Где-то далеко за окном лопнуло, распавшаяся на малые и большие

осколки, жестокое летнее солнце, и Марго поняла, что дело ее в основном сделано, хотя и не знала наверняка, какова цена удачи.

– Добровольцами для первой серии экспериментов занимается Морис (Марго вздрогнула про себя, услышав знакомое имя), послезавтра я выхожу на работу и сразу же пообщаюсь с ним; по телефону, сама понимаешь, такие дела не решаются, – проговорила Франсуаза, обшаривая взглядом свою гостью, впрочем, безо всякого видимого интереса. («Хочет определить, насколько я постарела», – насмешливо подумала Марго). – Думаю, проблем с тобой не будет; ты ведь подготовленная.

Марго уже открыла рот, чтобы спросить, что ее собеседница имеет в виду, но не успела. Услышав надрывный вопль телефона, Франсуаза легко вспорхнула с насеста и исчезла в темном проеме коридора. До слуха Марго сначала долетело любезное приветствие, затем холодное «да» и наконец «ах, так!», произнесенное тоном кота, настигшего мышку. Когда Франсуаза вновь появилась в дверном проеме, глаза ее сверкали, как две далеких звезды в черной пропасти неба, равных в своем величии и одиночестве.

– Тебе повезло, – прошептала она, торжествуя. – Меня срочно вызывают на работу, и я уже сегодня смогу устроить твое дело.

«Ну что ж, теперь я знаю цену», – безразлично подумала Марго.

Когда он снова открыл глаза, за окном уже мягко оседали сумерки, неспешно сгущаясь до необходимой кондиции, именуемой сказочным словом «ночь». Ивар с удовольствием отметил, что хорошо помнит все произошедшее с ним. «Так, значит, это и есть эксперимент второй серии», – с неожиданной и непонятной самому себе иронией подумал он. Когда-то давно, трудно сказать, во сне или в реальной жизни, Морис, один из теоретиков эксперимента, пытался объяснить ему, почему выход в недавнее прошлое легче, чем выход в настоящее. «Понимаешь, старик, – монотонно бубнил он, глядя куда-то себе под ноги, – наше недавнее прошлое как уже свершившийся факт является величиной известной, и моделировать вариации в этом пространстве, точнее, воссоздавать их гораздо проще, нежели в нашем настоящем, которое по сути своей есть постоянно незавершенный процесс. И здесь мы сталкиваемся с человеческой непредсказуемостью поступков, что существенно осложняет нашу работу».

Однако Ивар не мог согласиться с подобным утверждением, не без оснований полагая, что великое множество людей ведут стабильный образ жизни, в котором практически нет места непредсказуемой случайности, и потому их настоящее дает больший простор эксперименту, чем прошлое, которое еще надо кропотливо реконструировать, осторожно извлекая из-под руин времени. Но самое главное, чего он, сколько не старался, так и не смог принять, так это убеждения, разделяемого всеми основателями эксперимента, полагавшими, что создаваемая ими реальность действительно реальна, то есть существует независимо от исследователей в параллельных потоках времени. Для него обе серии были всего лишь научно-техническим миражом, сотворенным на потребу неведомым целям. Ну как, скажите, можно было уверовать в действительность того, что сразу по прошествии кажется всего лишь сном. Всего лишь сном?! А разве эта комната, этот институт, да и вообще вся эта здешняя жизнь, в подлинности которой сейчас он не смеет усомниться, не представлялись ему еще сегодня утром (неужели сегодня утром?) всего лишь сновидением, жутким, но притягательным?

Дверь ввалилась вовнутрь так, словно на ней отработывали приемы боевых искусств, и в ярко освещенном проеме (электричества здесь не сэкономили) прорисовался черный точеный силуэт Франсуазы.

– Сидишь в темноте и потихонечку пугаешь начальство? – донесся до него, как из другого мира, ее бархатный голос. – А оно и без того уже напуганное: меня срочно вызвали; видно боятся, что твоя девочка одна со всеми проблемами не справится.

Говоря так, она не спеша прошла через комнату и остановилась в двух шагах от стола, глядя на Ивара со странным любопытством:

– Ну, здравствуй, давно не виделись, – в голосе ее звучали легкая грусть и непонятная усмешка. Ивар смотрел на нее, не произнося в ответ ни единого слова, ибо вопреки здравому смыслу и умным логическим построениям, в истинности которых он уже успел себя убедить, сейчас он чувствовал, что действительно давным-давно не видел эту женщину, которая в той, другой жизни (или во сне?) была прочно отделена от него временем и расстоянием.

– Давай закончим на сегодня с работой, все уже давно по домам разбежались, даже зануда Морис ушел, – произнесла она, резко меняя тон. – Пойдем лучше в мою конуру кофе пить, а если чего покрепче хочешь, то я Анжелке свистну, у нее всегда коньячок найдется.

«Все как тогда», – с отчаянной радостью подумал Ивар. Его рука нащупала шоколадку, оставленную Ингой, и спрятала ее в наружный карман пиджака. Он резко поднялся и, изо всех сил стараясь не спешить, пошел за Франсуазой, призрачно маячившей впереди. У дверей своей комнаты она остановилась и, когда Ивар приблизился к ней, еле слышно прошептала:

– А теперь расскажи мне, как ты жил без меня все эти годы. И, пожалуйста, не торопись.

Ужинала Марго в одиночестве. По тому, как засуетилась Франсуаза после телефонного звонка, нетрудно было догадаться, что на раннее возвращение Ивара домой сегодня рассчитывать нечего. На пустынном столе возвышались полупустая тарелка (ела она всегда немного), высокий узкий стакан, наполовину наполненный апельсиновым соком, и алая свеча, водруженная в старомодный серебряный подсвечник. Свеча помогала думать. Мудрая Марго хорошо знала, что иногда и ей нужна помощь, а рассчитывать сейчас было не на кого. Оставалась только свеча.

Звонок телефона прозвучал как долгожданное проклятие. Марго не спеша подошла к нему, точно заранее зная, чей голос услышит в трубке.

– Доброй ночи! Еще не спишь? – услышала она торопливую речь Франсуазы. – Твое дело в шляпе. Подходи завтра ко мне домой к семи вечера, объясню тебе подробно, что и как.

Франсуаза еще продолжала что-то говорить, а Марго уже ощущала неодолимое желание повесить трубку. В отличие от Ивара она не была склонна задавать себе вопросы, не имеющие ответов, и потому не предавалась мучительным и бесплодным размышлениям о том, что происходит вокруг нее. Сейчас решилось главное: она сможет встретиться с исчезнувшими. Остальное, неважно, близкое или далекое, отступало на десятый план. Ибо Марго всегда жила главным. Тем не менее она спросила:

– Как там Ивар?

– Он только что прошел эксперимент второй серии, – озабоченно отозвалась Франсуаза. – На него это действие произвело большее впечатление, чем я могла бы предположить. В общем, потихоньку приходит в себя.

– Ладно, – механически отреагировала Марго и уронила трубку. Медленно подошла к распахнутому настежь окну, в которое бесцеремонно, с бесстыдной наглостью заглядывала луна, до отвращения напоминая безликую физиономию Мелани.

– Ты что, тоже при исполнении? – холодно осведомилась у нее Марго и, не дожидаясь ответа, с треском захлопнула окно.

Комната Франсуазы, откуда она управляла технической стороной эксперимента, находилась в дальнем конце коридора. Франсуаза была богиней техники, и вся аппаратура, от мудреных напичканных сложнейшими микросхемами установок до банальной кофеварки, просто обожала ее. Кроме телевизоров, с которыми богиня не поладила однажды и, увы, бесповоротно. Впрочем, на ее работе это никак не отражалось, поскольку компьютерные мониторы себя к

телевизорам не относили и вообще являлись существами зависимыми, собственного мнения практически не имеющими.

Пока Франсуаза ласково отдавала необходимые распоряжения кофеварке, Ивар с любопытством оглядывал ее комнату, точнее пытался заставить себя сделать это. Голова его шла кругом и имела на то свои веские причины: второй раз в течение всего лишь суток рушились его представления о мире, в котором он живет (и живет ли?), и для его головы такое удовольствие представлялось несколько чрезмерным. Где, в каком из миров он сейчас находится? Спит, или бредит наяву? А Марго, где находится она? В этом или же в каком-нибудь ином мире? Подожди, если то, что ты прежде считал сном, и есть подлинная реальность, то откуда я могу знать наперед, что случится (или уже сейчас случилось) с Марго? (Ивар почувствовал легкий приступ тошноты, вспомнив, что произошло с Марго в его последнем сне). Но с другой стороны, если этот сон все же реальность, почему здешняя Франсуаза тоже знает, что я отсутствовал много лет? И как можно усомниться в подлинности происходящего с ним здесь: он находится в институте «Источник», принимает участие в эксперименте, и у него нет никаких оснований не верить своим ощущениям. Или нам с Франсуазой снятся одинаковые сны?

– Послушай, Ивар, – из невыразимо безразличного далека донесся до него бархатный голос Франсуазы, – тебе, похоже, действительно требуется что-нибудь покрепче. Поскучай здесь пару минут, я сбегая к Анжелке, она сегодня дежурит на установке для новичков.

Ивар пробурчал в ответ что-то невнятное. Перед его глазами мерцал густой немислимой синевы туман.

В дверь настойчиво постучали, и озаренная ночным предвидением Марго отправилась ее открывать, угадывая еще одну совсем не радостную встречу. На пороге стояла, конечно же, Инга.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла она. – Я могу войти?

Когда-то давным-давно, возможно в позапрошлой жизни, Марго была ее преподавательницей, однако Инга никогда не забывала этого, придерживаясь в общении отстранено-вежливого тона, как и с Иваром, который в первую очередь был ее непосредственным начальником.

Хозяйка посторонилась, пропуская гостью в тесном узком коридоре, и, пока та проходила, внимательно осмотрела ее. Инга по-прежнему выглядела маленькой хрупкой девочкой. «Словно время остановилось», – отметила про себя она. Однако Марго, быть может, лучше других понимала, сколь обманчива эта непрочная оболочка. Войдя в комнату, Инга резко обернулась, и Марго увидела прямо перед собой лицо, превратившееся в сплошной вопросительный знак.

– Зачем вы хотите попасть в эксперимент? – требовательно спросила Инга и сразу же добавила более мягким тоном. – Я случайно слышала разговор Мориса и Франсуазы.

Марго молчала, не зная, нужно ли отвечать, а если нужно, то что именно, на этот непредвиденный столь жестко поставленный вопрос.

– Как ты узнала этот адрес? – неожиданно для себя самой спросила она.

– Я уже однажды была здесь, вы просто забыли, – усмехнулась Инга этой нелепой попытке уйти от вопроса. И тут Марго вспомнила, что когда-то сама дала ей этот адрес. Девочка тогда уже работала у Ивара и одновременно писала диплом, а Марго была ее научным руководителем. Инге срочно потребовалась консультация, и Марго, которая во время своего отпуска не желала ни появляться на факультете, ни принимать студентку у себя дома, с согласия родителей Ивара пригласила дипломницу к ним.

– Откажитесь от этой затеи, – не дождавись ее ответа, заговорила Инга. – Эксперимент – это опасная игрушка, и каждый участвующий в нем платит свою немалую цену. Посмотрите на Ивара, который сейчас не знает даже, кто он и где находится. («Как будто он когда-либо это понимал», – с внезапным раздражением подумала Марго.)

– Но ты же сама участвуешь в этом? – медленно проговорила она.

– О нет, – поморщилась Инга, – я только делаю математические расчеты и программирую их чудовище.

– Хотя в принципе вы правы, – после короткой паузы добавила она. – Любой работающий в «Источнике» так или иначе вовлечен в эксперимент. Когда Морис позвонил мне домой и предложил перейти в «Источник», я, конечно, могла отказаться и даже хотела это сделать. Но ему было, что предложить мне кроме хорошей зарплаты. (Она криво улыбнулась.) Вы понимаете, о чем я говорю.

– Кажется, понимаю, – через силу улыбнулась Марго.

– А вы, вы-то зачем добровольно пытаетесь попасть в это (Инга щелкнула пальцами, пытаясь найти нужное слово) мутное предприятие? – ее голос снова стал взволнованным.

– У меня нет другого варианта, – хмуро отозвалась Марго.

– Значит, и для вас готова приманка, – серьезно отметила Инга; теперь ее голос звучал холодно, почти отчужденно. – Спасибо вам, сейчас я уже не чувствую себя виноватой.

– Виноватой? – озадаченно повторила Марго. – Но в чем?

– Это я предложила Морису срочно вызвать Франсуазу, – Инга горько улыбнулась. – По производственной необходимости. Так Ивару легче. Пока легче.

– А тебе? – безжалостно осведомилась Марго.

– При чем тут я? – в огромных глазах Инги не было ничего кроме безмерного изумления. Марго устало покачала головой. Что-то слишком много всего для одного-единственного дня.

– Ты еще что-то хочешь сказать? – безучастно спросила она у своей непрошенной гостьи.

– Не сказать, спросить. Можно? – голос Инги еле заметно дрогнул.

– Валяй, спрашивай, – равнодушно согласилась Марго. Больше всего ей хотелось сейчас немедленно уснуть и ни в коем случае не видеть никаких снов, чтобы завтра иметь силы выдержать утреннее нежное свидание с Мелани и еще одно рандеву с неистребимой Франсуазой.

– Скажите, зачем вы вернулись сюда? – скороговоркой, словно боясь, что ее прервут, проговорила Инга.

– Получила грустное письмо с просьбой о помощи, – ответила Марго, все еще не понимая смысла вопроса. «Слишком часто мне задают этот вопрос», – отметила она машинально.

– Да я не об этом, – нетерпеливо отмахнулась Инга. – Я спрашиваю, зачем вы вернулись тогда, когда Ивар получил приглашение работать в «Источнике»?

И, видя изумленное непонимание на лице Марго и истолковывая его по-своему, она тихо добавила:

– Я понимаю, почему вернулся он, я не могу понять, зачем вы приехали с ним.

Такого изумительного снегопада не помнили даже старожилы. Снег ложился мягкими пушистыми клочьями, с не назойливой настойчивостью превращая весь этот непристойно загаженный мир в милое подобие рождественской сказки. Глядя на этот стремительно обрастающий белоснежным пухом город, жутко хотелось немедленно впасть в детство, забросать снежками ни в чем не повинную, случайно проходящую мимо девушку, а еще лучше вывалить ее в снег, и уж во всяком случае ни капельки не хотелось работать.

После планерки, прошедшей в несколько нервном настроении, Франсуаза заглянула в комнату Ивара.

– Я ухожу. А ты?

Ивар пожал плечами; легко ей говорить, ведь у нее сегодня выходной, если бы не причуда шефа, требовавшего обязательного ее присутствия на каждой планерке (богиня техники все-таки!), ноги бы ее сегодня не было в институте. А он – человек несвободный...

– Идите, Ивар, – перехватив его взгляд, негромко произнесла Инга. – Ближайшие два-три часа вам все равно здесь делать нечего. А от Мориса я отобьюсь.

Франсуаза засмеялась счастливым серебристым смехом. Она попыталась встретиться с Ингой взглядом, но та упорно смотрела в экран своего компьютера. Тогда Франсуаза подошла вплотную к ней и тихо прошептала: «Спасибо».

– Отойди, не то удушу ненароком, – спокойно ответила Инга, не отрываясь от работы. Хотя Франсуаза и была богиней техники, к числу начальства она не относилась, и церемониться с ней Инга не имела ни малейшего желания. Франсуаза снисходительно улыбнулась, как улыбаются взрослые неразумному, но упрямому ребенку, и плавно поплыла к выходу. В своей новой короткой, цвета первого снега шубке она выглядела настоящей снегурочкой, даже ее свободно лежащая копна ненатурально рыжих волос не портила общего впечатления. Ивар пропустил ее вперед и, прежде чем выйти, оглянулся: Инга молча смотрела куда-то сквозь него. В ее больших глазах застыли снисходительное прощение и грустная усмешка. Возможно, над собой.

Выйдя за проходную, они остановились, словно дети, неожиданно сбежавшие со скучного урока и теперь не знающие, что делать дальше.

– Куда пойдем? – по лицу Франсуазы блуждала мягкая улыбка. Ивар несколько растерянно пожал плечами; изобретательность в развлечениях явно не была сильной стороной его натуры. Из горла его спутницы вырвался короткий торжествующий смешок.

– Значит, ты идешь туда, куда иду я, – она подхватила его под руку и потащила за собой.

«Интересно, куда на этот раз?» – без особого любопытства подумал Ивар. В прошлую субботу, когда они случайно встретились на улице, Франсуазе взбрело в голову затащить его на свою тренировку. Обычно она занималась в паре с женщиной своих лет, но в тот раз ее напарница почему-то не пришла, и ей достался крепкий парень несколько моложе ее, который слишком осторожничал с ней. Впрочем, так продолжалось недолго, поскольку Франсуаза своей жесткой тактикой вынудила его прекратить эту игру в поддавки, что в конечном итоге не спасло его от поражения. Естественно, в следующем бою ее молодой и честолюбивый противник попытался отыграться, однако результат был еще более плачевным. Глядя, как безнадежно пытается тот избежать неминуемого поражения, Ивар вдруг с легким ужасом подумал, что не хотел бы он однажды оказаться среди врагов Франсуазы, ибо только сейчас понял, сколь безжалостной может быть эта на вид покладистая женщина. Даже более безжалостной, чем Марго, ибо мудрая его супруга все же знала, что такое милосердие.

Когда они остановились у не слишком оживленного перекрестка, Ивар понял, куда его ведет Франсуаза. Через квартал отсюда располагался небольшой уютный парк, в котором в такую снежную погоду было гораздо приятнее, нежели в летнюю жару. Он хотел посмотреть на часы, но Франсуаза ловко перехватила его руку:

– Не надо, я сама знаю, когда отпустить тебя.

Он послушно опустил руку, подумав, что подчинение женщине – часто весьма удобная, но далеко не всегда приятная тактика.

Издали казалось, что заснеженные деревья стоят сплошной стеной, и только по мере приближения между ними прорисовывалась узкая дорожка.

– Добро пожаловать в наш лес, – Франсуаза отпустила его руку и отошла в сторону с видом хозяйки, встречающей дорогого гостя. Ивар медленно приблизился к ней. Теперь они стояли почти вплотную друг к другу.

– А можно я тебя в сугроб уроню? – с затаенной надеждой в голосе спросил он.

– Нет, – с необычайной серьезностью ответила Франсуаза, – со Снегурочкой так не поступают.

– А как с ней поступают? – поинтересовался Ивар, любуясь собственным отражением в глазах Франсуазы.

– Снегурочкой нужно просто восхищаться, – смех Франсуазы прозвучал как-то неуверенно и даже немножко нервно. Ивар протянул к ней руки, но она ловко увернулась, и теперь уже за его спиной звучал, набирая силу, иной серебристый победный смех. Ивару казалось, что к этому смеху присоединилось все: деревья парка, крупные пушистые снежинки, непрерывно осыпающиеся с неба, да и само небо, серое и холодное, насмешливо созерцающее людей, затеявших непонятную игру в прятки, где каждый прятался сам от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.